

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ В БОЛГАРИИ В 1921–1922 гг.: ИСТОРИЯ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ПРОЕКТА¹

После того, как части Русской армии генерала П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. покинули Крым и оказались в Турции и на Балканах, был поднят вопрос о восстановлении за пределами России академии Генерального штаба. Проект ее открытия в Болгарии активно обсуждался и разрабатывался в конце 1921 — начале 1922 г., однако так и не был реализован. Даже в специализированных исследованиях об этом проекте либо не говорилось вовсе, либо упоминалось вскользь, тогда как его содержание оставалось неизвестным². Тем не менее документы о подготовке открытия академии сохранились в архиве Гуверовского института в США и представляют немалый интерес.

В это время во Владивостоке на неподконтрольной красным территории находилась старая Военная академия (бывшая Николаевская), эвакуированная весной 1918 г. из Петрограда на во-

---

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а (ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

² См., напр.: *Бегидов А. М., Ершов В. Ф., Пивовар Е. И.* Военно-учебные заведения Зарубежной России. 1920–1930-е годы. Нальчик, 1999; *Бегидов А. М.* Военное образование в Зарубежной России. 1920–1945. М., 2001.

сток страны и затем оказавшаяся у белых³. При обсуждении планов возрождения Военной академии в Болгарии озвучивались предложения перевезти старую академию в Европу, чтобы использовать ее материально-техническую базу и кадровый потенциал, однако реализовать такой замысел на практике было очень сложно. В итоге было решено создавать высшее военно-учебное заведение с нуля.

Цель создания академии видна из письма начальника штаба главнокомандующего Русской армией генерала от кавалерии П. Н. Шатилова начальнику штаба французского оккупационного корпуса в Константинополе полковнику Депре, датированного декабрём 1920 г.: «С началом войны в 1914 году Николаевская военная академия (академия Генерального штаба) была закрыта, но ввиду обнаружившегося во время войны недостатка младших офицеров Генерального штаба, начиная с осени 1916 года при академии были открыты ускоренные курсы, на которые принимались с большим разбором исключительно отличившиеся на войне молодые офицеры.

В настоящее время эти офицеры представляют из себя небольшой кадр офицеров с большим боевым опытом, приобретенным в Великой и Гражданской войнах, как на строевых должностях, так и на должностях Генерального штаба, но, к сожалению, с неоконченным высшим теоретическим образованием.

После прибытия армии из Крыма и ее реформирования большинство таковых офицеров, перейдя в разряд беженцев, вынуждены искать себе занятия⁴ не по своей специальности.

Если в будущем, при развертывании Русской армии, найдутся офицеры для занятия старших должностей Генерального штаба, то для замещения младших штабных должностей офицеров Генерального штаба будет недостаточно: эти должности придется замещать офицерами, окончившими ускоренные курсы академии.

Исходя из вышеуказанных соображений, явилось бы крайне желательным использовать настоящее переходное время, дабы дать этим офицерам возможность закончить свое высшее военное об-

---

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

⁴ В документе — занятий.

разование и тем дополнить свой боевой опыт теоретической подготовкой на основании опыта европейских армий.

Так как в силу политической обстановки не представляется возможным в настоящее время открыть русскую военную академию, то не может ли Франция, наша союзница, оказать нам в этом отношении поддержку, приняв некоторое число русских офицеров в свою академию.

Благоприятное разрешение этого вопроса особенно важно в том отношении, что офицеры, вышедшие из французской военной академии, явились бы сознательными проводниками и защитниками идеи франко-русского союза.

Благоприятное разрешение материального вопроса не должно представить особого затруднения, ибо содержание небольшой группы офицеров не вызовет больших расходов дополнительно к тем, которые уже идут на них в беженских лагерях.

Что касается вопроса знания французского языка, то он мог бы быть разрешен соответственным подбором командимуемых офицеров.

О последующем прошу не отказать меня уведомить»⁵.

Как следует из документа, по итогам Гражданской войны белые так ничему и не научились — они предлагали вернуться к дореволюционному формализму, требуя от выпускников ускоренных курсов завершения обучения, хотя в Советской России их считали уже получившими высшее военное образование.

Проблема нехватки младших офицеров Генштаба у белых представляется несколько искусственной. Прежде всего, в эмиграции оказалось довольно значительное количество генштабистов. Кроме того, очевидно, что кадры должны были готовиться на случай военно-политического реванша белых, но при таком развитии событий на первый план выходила нехватка у белых рядового, а не командного состава.

По всей видимости, французы не прониклись замыслом Шатилова, в связи с чем в 1921 г. военная эмиграция перешла к обсуждению проектов создания собственной академии. Насколько можно судить, инициатором проекта выступал сам главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель.

---

⁵ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives, HIA). Vrangell collection. Box 113. Folder 21.

К осени 1921 г. концепция изменилась, став более рациональной, — теперь предполагалось провести через академию (в форме краткосрочных курсов) не всех курсовиков вообще, а только тех, кто не прошел обучение в старшем классе.

25 октября 1921 г. Шатилов из Софии направил генерал-лейтенантам Н. Н. Головину и Я. Д. Юзефовичу следующее предложение: «Главкомандующим предположено организовать в Болгарии курсы Военной академии для пополнения кадров младших офицеров Генерального штаба и для того, чтобы дать возможность продолжить свое военное образование тем курсовикам академии, кои окончили младший класс курсов Николаевской военной академии во время ее нахождения в Петрограде и в Екатеринбурге. Первоначально предполагается создать два класса, младший для приема исключительно кадровых офицеров и старший для упомянутых выше курсовиков академии. Вопрос о дополнительном классе пока не затрагивался. Курсы будут открыты при Атаманском военном училище, уже находящемся в Болгарии, на которое будет возложено исполнение всех хозяйственных в отношении курсов функций, как то: организация общежития для обучающихся, их довольствие и т. д.

Тяжелое положение средств главного командования вынудит все дело организовать на самых скромных основаниях во всех отношениях, равно и в отношении расходов на учебное дело и на оплату преподавательского персонала.

Главкомандующий приказал мне предложить Вам принять должность начальника открываемых курсов.

Материально должность начальника академических курсов будет обеспечена содержанием по должности начальника дивизии, т. е. 3 000 болгарских левов, помещением и пайком»⁶.

Не вполне ясно, почему предложение возглавить курсы делалось сразу двум генералам. Я. Д. Юзефович был соратником генерала П. Н. Врангеля по Гражданской войне на Юге России, а Н. Н. Головин считался авторитетом в сфере высшего военного образования.

Узнав о том, что приглашен и другой кандидат, Головин 20 ноября 1921 г. написал Шатилову о своем отказе: «Я получил Ваше письмо с приглашением принять заведывание офицерскими кур-

---

⁶ Ibidem.

сами в Софии. Сегодня генерал Миллер переслал мне телеграмму, в которой это предложение повторено генералу Юзефовичу и мне.

Я думаю, что генерал Юзефович будет более подходящим. Я же выразил свое согласие на избрание профессором в университете в Праге. Это избрание ныне состоялось.

Как Вам, наверное, неизвестно, в Чешском университете собирается до 2 000 русских студентов, из которых около 800 прошло офицерами через ряды белых армий»⁷.

Между тем генерал Юзефович к декабрю 1921 г. переехал из Болгарии в Сербию, но на 7 декабря 1921 г. дал согласие и получил предписание безотлагательно выехать в Софию. Однако прибытие Юзефовича, устраивавшего личные дела в Висбадене, задерживалось, что поставило на повестку дня вопрос о назначении временно исполняющего обязанности начальника для ведения неотложной организационной работы. Временно подготовкой открытия курсов руководил начальник походного штаба донского атамана генерал-лейтенант Н. Н. Алексеев. Причины такого кадрового решения неясны. Во всяком случае, Алексеев был выпускником Николаевской академии Генерального штаба.

Пост правителя дел академии по приказу Врангеля был предложен инспектору классов Кубанского генерала М. В. Алексева военного училища генерал-лейтенанту А. М. Болховитинову, однако последний отказался как от этого поста, так и от чтения лекций.

Тогда возникла идея предложить пост правителя дел генерал-лейтенанту Е. Ф. Новицкому. Об этом генерал Н. Н. Алексеев просил генерала П. Н. Шатилова 20 января 1922 г. Среди альтернативных кандидатов Алексеев считал подходящим своего прежнего сослуживца полковника П. Н. Санникова, некогда окончившего академию первым и обладавшего серьезным опытом Первой мировой войны.

Однако еще ранее Новицкий отказался работать в академии, ответив Шатилову 10 января 1922 г.: «Обдумав сделанное мне Вами лестное предложение, я решил не менять на старости лет взятого мною еще в 1906 году направления моей научной деятельности. А потому, отказываясь от службы в академии, где меня могут заменить другие лица, я остаюсь при той работе по стрелковой части, которую я исполняю ныне и коей я могу быть полезен моей

---

⁷ Ibidem.

Родине более, чем на всякой другой деятельности, благо сербское в[оенное] министерство, приняв меня к себе на службу именно по стр[елковому] делу, создало этим для меня особо благоприятные условия.

Когда же главное командование нашей армии признает необходимым использовать для боевой подготовки вверенных ему войск мои обыкновенные знания и опыт по стрелковому делу, то я отдам ему таковые не только с полной охотой, но и с сознанием доброкачественности того, что я в состоянии буду предложить»⁸.

Каковы были критерии отбора слушателей на академические курсы? 1 ноября 1921 г. Шатилов писал военному агенту в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) о том, что с 1 января 1922 г. «решено открыть курсы Военной академии в одном из городов Болгарии, первоначально в составе младшего и старшего классов»⁹. Прием на курсы осуществлялся без предварительных испытаний. Предполагался набор в старший класс штаб- и обер-офицеров как причисленных, так и не причисленных к Генштабу, окончивших один или два класса ускоренных курсов Военной академии. В младший класс собирались принимать штаб- и обер-офицеров, окончивших полный курс среднего учебного заведения, произведенных в офицеры до 1 августа 1914 г., соответствующим образом аттестованных непосредственным начальством. Преимущество ввиду ограниченности мест отдавалось состоящим в рядах армии, имеющим орден Св. Георгия, Георгиевское оружие или орден Св. Николая Чудотворца. В случае нехватки желающих к приему могли допускаться и офицеры более позднего производства, но только из числа окончивших высшие гражданские учебные заведения. В младший класс с разрешения главнокомандующего могли быть приняты и генералы, хотя бы и не удовлетворяющие перечисленным требованиям. Слушателям и их семьям главное командование обещало предоставить жилье и паек, а возможно, даже скромное денежное пособие.

Шатилов просил военного агента через командиров частей и комендантов лагерей и общежитий вызвать желающих. При этом требовалось соблюдать секретность в вопросе организации курсов.

---

⁸ Ibidem.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-7511. Оп. 1. Д. 346. Л. 3.

Желающие должны были представить рапорт, краткую записку о службе и аттестацию. Все документы направлялись в Софию, в канцелярию донского атамана, на имя генерал-лейтенанта Н. Н. Алексеева.

Параллельно с обсуждением критериев зачисления на курсы решались материально-технические вопросы. 7 ноября 1921 г. генерал-майор Е. В. Масловский писал своему старому сослуживцу по Кавказскому фронту Шатилову: «Я здесь осматривал здание, предназначенное для академических курсов, и хотел по этому поводу доложить тебе несколько слов. Не имея от тебя никаких полномочий, я не считал возможным писать официально, а решил написать тебе в частном письме.

Здание в общем очень подходящее, но, чтобы его использовать для курсов, необходимо принять в расчет следующее:

1) Пока представлен только один этаж, где могут быть устроены две аудитории большие, преподавательская, инспекторская, библиотечная и начальника академии и еще останется 3–4 комнаты для администрации. Остается открытым вопрос об общежитии учащихся, столовой, кухне и помещении прислуги, которая будет при академии.

У отведенного для курсов здания имеется полуподвальный этаж, сейчас совершенно пустующий и только в части его сложено болгарское казенное имущество (столы, скамейки и т. д.). Этот подвальный этаж очень хорош и в нем можно было бы устроить кухню, столовую, склад, помещение для прислуги, но необходимо хлопотать, чтобы болгары его также уступили.

Если будет открыт только старший курс, то в одной из больших комнат [можно устроить] — аудиторию, а в другой — общежитие. Если же будут два курса, то общежитие обучающихся офицеров можно было бы устроить там, где сейчас помещается терская офицерская сотня (в расположении Атаманского училища), переведя ее к своей бригаде. Или же выхлопотать у болгар помещение, ныне занимаемое собранием для солдат возле здания, предназначенного для академических курсов. Но это будет труднее. Преподавательский персонал нужно разместить просто в городе. Имей в виду, что без подвального этажа, помещение будет без служб, а это невозможно. Подвальный же этаж выхлопотать, полагаю, будет легко, и тогда помещение для академических курсов было бы прекрасное.

2) Если ты твердо решил устроить академические курсы, то было бы безусловно желательным теперь же подобрать необходимые научный и учебный материал, а также имущество и инвентарь, чтобы ко времени сбора учащихся и учащихся все было бы по возможности в готовности. Все это потребует некоторого времени.

Прости, что я тебе об[о] всем этом пишу. Полагал, что, может быть, мои соображения могли бы быть полезны тебе, так как ты за массу дел мог не остановиться на этих деталях, я же, будучи свободен, хотел чем-либо помочь делу»¹⁰.

Вопрос с помещениями решал непосредственный куратор курсов генерал Н. Н. Алексеев. 26 ноября 1921 г. он докладывал генералу Шатилову об осмотре помещений в городе Ямбол, которые можно было использовать для академии. В городе располагались Атаманское военное училище, Офицерские курсы Донского корпуса и Терско-Астраханская офицерская сотня. Училище и сотня занимали большую часть казарм бывшего болгарского пехотного полка, а курсы располагались во флигеле казарм болгарской пионерной дружины в двух километрах от училища. В середине декабря 1921 г. курсы подлежали расформированию, что освобождало помещение. Размеры казарм позволяли разместить один из классов академии, учебную, административную и хозяйственную части. Для другого класса и для размещения семейных слушателей отдельно от холостых требовались дополнительные помещения. Алексеев предлагал переместить с этой целью к своему полку Терско-Астраханскую сотню. Впрочем, это создавало проблему значительной удаленности одного класса академии от другого. Некоторые из осмотренных зданий нуждались в ремонте (двери, окна, настил пола, печи), который мог занять 2–3 недели. Квартиры для части учебно-административного состава, включая всех лекторов, планировалось подыскать в городе.

При разработке проекта использовалась имевшаяся в русской военной эмиграции документация старой Николаевской военной академии. Проект открытия академии разрабатывался во всех деталях, включая штатное расписание¹¹:

---

¹⁰ НИА. Vrangeli collection. Box 113. Folder 21.

¹¹ Ibidem.

Таблица 1

Проектируемый штат Военной академии

Должность	Чел.	Оклад (в болгарских левах)
Начальник курсов	1	3 000
Канцелярия курсов		
Правитель дел	1	1 000
Секретарь	1	400
Писарей	4	
Учебная часть		
Лекторов тактики	6	6 000
Лекторов стратегии	1	1 000
Лекторов истории военного искусства	2	2 000
Лекторов военной истории	2	2 000
Лекторов службы Генерального штаба	1	1 000
Лекторов военной администрации	2	2 000
Лекторов военной статистики	1	1 000
Лекторов геодезии	1	1 000
Лекторов по части инженерной	2	2 000
Лекторов по артиллерии	1	1 000
Лекторов по военно-морскому делу	1	1 000
Лекторов по военному законодательству	1	1 000
Лекторов по политической истории	1	1 000
Лекторов по социологии	1	1 000
Лекторов по международному праву	1	1 000
Лекторов по государственному праву	1	1 000
Лекторов по политической экономии	1	1 000
Преподавателей иностранных языков		
Лекторов по военной психологии	1	1 000
Хозяйственная часть		
Начальник хозяйственной части	1	
Бухгалтер	1	
Писарей	2	
Административная часть		
Заведующих обуч. на курсах офицерами	5	
Врач	1	

Фельдшер	1
Библиотека	
Библиотекарь	1
Писарей	
Команда	
Поваров	3
Помощников поваров	3
Служителей на кухне	6
Артельщиков	1
Помощников артельщика	2
Для уборки помещений и вестовых	30
Парикмахеров	2

Следующим этапом подготовки открытия академии стал подбор административного и преподавательского состава. Ввиду избытка высококвалифицированных кадров в эмиграции и тяжелых условий первых лет беженства, недостатка в кандидатах не было. Из потенциальных кандидатов исключались уволенные от службы в дисциплинарном порядке или по суду. Таким образом, отсекались потенциально нелояльные. Так, в январе 1922 г. вр. и. д. начальника штаба главнокомандующего Русской армией генерал-майор П. А. Кусонский рекомендовал не назначать на должность преподавателя военного училища полковника А. С. Данске, поведение которого в 1921 г. в Константинополе лишало его подобного права. Поскольку эта переписка сохранилась в материалах по открытию академических курсов, не исключено, что вопрос касался и их. Впрочем, обстоятельства сложились так, что среди кандидатов в преподаватели как раз оказались те, кто позднее воспринимался в белой эмиграции в качестве потенциальных советских агентов или людей не вполне лояльных белой идее. Например, генералы В. Е. Борисов, С. К. Добророльский и полковник П. А. Бородаевский.

25 ноября 1921 г. генерал П. А. Кусонский писал генералу Н. Н. Алексееву из Константинополя: «В ответ на Вашу записку для памяти, переданную мне генералом от кавалерии Шатиловым, сообщаю, что, по моему мнению, в качестве лекторов для открывающихся курсов Военной академии могут быть приглашены следующие лица:

1) Из офицеров Генерального штаба — генералы: Болховитинов, Замбрицкий, Гернгросс, Георгиевич и Крейтер, полковники — Пронин, Патронов, Станиславский и Зайцев¹².

2) Для чтения курса артиллерии — генерал Фонштейн и генерал Кирей (Париж).

3) Для чтения лекций по военно-инженерному искусству: ген[ерал]-майор Полянский (Сербия) и полковник Лосиевский.

4) Для чтения курса военно-морского отдела — контр-адмирал Машуков (Франция) и капитан 1-го ранга Андросов.

5) Для чтения курса авиации — ген[ерал] Ткачев (Сербия).

Часть новейшей литературы по военному искусству мною уже выписана из Франции и Германии, по получении сообщу, что именно будет прислано»¹³.

6 января 1922 г. Шатилов предписал Алексееву наметить кандидатов на все учебно-административные должности курсов. По данным на 1922 г., уже были распределены лекторы по кафедрам:

Таблица 2

Распределение лекторов академии по кафедрам на 1922 г.

Кафедра	Лекторы
Тактика	Генерал-лейтенант В. В. Марушевский; генерал-майоры М. М. Георгиевич, М. А. Иностранцев, А. Н. Шуберский; полковники П. А. Бородаевский, А. Л. Мариюшкин, П. Н. Санников
Военная история	Генерал-лейтенанты С. К. Добророльский, Е. Ф. Новицкий; генерал-майор М. А. Иностранцев; полковники П. А. Бородаевский, А. А. Зайцов
Стратегия	Генерал-лейтенант В. Е. Борисов
История военного искусства	Генерал-лейтенант С. К. Добророльский, генерал-майор Е. В. Масловский, полковники И. Ф. Патронов, Б. Н. Сергеевский
Служба Генерального штаба	Полковники П. А. Бородаевский, А. Л. Мариюшкин, А. К. Шнеур

¹² Речь идет об А. А. Зайцове.

¹³ НИА. Vrangell collection. Box 113. Folder 21.

Военная администрация	Полковник К. В. Туган-Барановский
Военная психология	Полковник А. А. Зайцов
Военная статистика	Генерал-лейтенант П. И. Аверьянов, генерал-майор Я. С. Уляновский, полковник К. В. Туган-Барановский
Инженерное искусство	Генерал-майор В. Н. Полянский
Военно-морское дело	Капитан 1-го ранга Д. Г. Андросов
Геодезия	Генерал И. С. Свищев
Артиллерийское дело	Генерал-майоры М. Н. Добrorольский, Е. В. Перрет
Военное законодательство и государственное право	Генерал-майор А. В. Попов, полковник А. Г. Попов
Военные сообщения	Полковник В. Ф. Флоров

Были набраны кандидаты и в административно-хозяйственный состав. Так, начальником хозяйственной части значился полковник Армейсков, библиотекарями генерал-майор Нагаев и полковник Флоров. Вакантными оставались должности правителя дел и секретаря. На 16 января 1922 г. генерал П. Н. Врангель дал согласие на срочное формирование конференции (коллегиального руководящего органа) курсов Военной академии.

Кандидатами на преподавательские должности были, прежде всего, офицеры Генштаба. Проживавший в Белграде генерал С. К. Добrorольский писал генерал-лейтенанту В. М. Драгомирову в Общество русских офицеров Генерального штаба 28 октября 1921 г., что приветствовал идею открытия академии и желал бы попасть в число кандидатов в преподаватели, для чего требовалась поддержка адресата. Заявитель писал: «Я не имею крупных военно-ученых трудов, но полагаю, что все преподавание в будущей академии должно быть построено на опыте минувшей войны и те лица, которые всю войну провели на строевых командных должностях, имея высшее военное образование, являются достаточно компетентными для занятия кафедры. Участие в войне при таких условиях — ядро старой равносильной диссертации... Но если

потребуется, я готов написать и диссертацию, хотя при нынешних условиях это будет несколько затруднительно.

Профессорская должность была моею мечтою в течение всей службы, но служба моя так складывалась, что некогда было писать ученые труды»¹⁴.

Доброторольский намеревался вести курсы военной истории или истории военного искусства.

Несомненный интерес для организаторов курсов представляло письмо генерал-майора И. С. Свищева. 27 декабря 1921 г. он писал военному агенту в КСХС: «Я в настоящее время нахожусь на службе в Географском¹⁵ институте Королевства СХС, куда со мной вместе поступили 67 офицеров русского корпуса военных топографов.

Условия нашей службы в институте таковы, что если я и не являюсь прямым начальником всех 67 русских офицеров-топографов, то все-таки я являюсь посредником между высшим начальством института и русскими офицерами во всех вопросах нашей жизни, а часто и в специально служебно-технических вопросах.

При такой постановке дела я не имею нравственного права уйти из Географского института и оставить без надлежащего руководства русских офицеров-топографов, которые на Юге России были в моем подчинении.

Кроме того, дабы дать возможность русским офицерам-топографам пополнить свое специальное образование, мною организованы для них в Земуне офицерские геодезические курсы, в чтении лекций на которых я принимаю непосредственное участие.

В настоящее время возрождается наша Военная академия. Не имея возможности, по вышеуказанным причинам, просить о зачислении меня профессором или преподавателем этой академии на общем основании, в то же время горя желанием принести посильную пользу родной мне академии, осмеливаюсь сделать следующее предложение:

Если во вновь открывающейся Военной академии предположены к прочтению курсы: топографии или других родственных наук или предположены по тем же наукам практические занятия и если академия не будет располагать, как для прочтения указанных кур-

---

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Сербское написание слова «географический».

сов, так и [для] ведения практических занятий, соответствующим лицом, я с большим удовольствием предлагаю свой труд, но только так, чтобы я работал в академии не сплошь все время, а через известные промежутки времени (примерно через месяц), приезжал бы на одну — две недели, когда читал бы ежедневно или через день. При такой постановке на прочтение курсов было бы затрачено столько же времени, сколько и читая еженедельно»¹⁶. Свищев был интересен организаторам академии, поскольку трудоустроил в различные ведомства более ста офицеров, окончивших геодезические курсы.

Свои услуги предлагали и другие высококвалифицированные специалисты. Например, генерал-лейтенант А. Н. фон Розеншильд-Паулин, проживавший в Новом Саде. Генерал претендовал на должность преподавателя тактики или военной истории, руководителя практических занятий и полевых поездок. В старой академии Розеншильд-Паулин вел аналогичные занятия в течение трех с половиной лет, а также преподавал тактику в Николаевском кавалерийском училище. Кроме того, на занятие административной должности и на ведение практических занятий по тактике и администрации претендовал проживавший в Новом Саде генерал-лейтенант Д. М. фон Зигель.

Полковник П. А. Бородаевский из Софии выразил желание читать курсы тактики, службы Генерального штаба, стратегии, военной истории, топографии либо был согласен на административную должность.

Среди других желающих были генерал-майор Е. В. Масловский, служивший в Атаманском училище (предлагал читать лекции по истории военного искусства и по стратегии) и полковник В. И. Соколовский из Терско-Астраханского полка (лекции по военной истории — войны на Балканском полуострове 1912–1913 гг. и Первой мировой войны, по истории Гражданской войны, а также практические занятия по тактике).

В отделе Общества русских офицеров Генерального штаба в Субботице на декабрь 1921 г. нашлось четверо претендентов на учебно-административные должности в академии: генерал-майоры С. И. Гаврилов, В. Н. Доманевский и М. Е. Леонтьев, а также полковник А. А. Лауриц. Из Нового Сада выразил жела-

---

¹⁶ НИА. Vrangell collection. Box 113. Folder 21.

ние отправиться в академию генерал-лейтенант М. Э. Мельгунов, стремившийся получить административную должность или заведование практическими занятиями по тактике, топографии и администрации. Из Белграда подал соответствующий рапорт генерал-лейтенант Д. П. Драценко, предлагавший читать лекционные курсы по тактике, военной географии и статистике, военной истории, а также согласный и на административную должность.

Шесть офицеров I армейского корпуса (генерал-майоры М. М. Георгиевич и Д. Я. Федоров, полковники К. А. Иваницкий, П. Н. Санников, Б. Н. Сергеевский и А. В. Черныш) также хотели занять административные должности и читать лекции в академии, при этом командование опасалось, как бы корпус не остался в итоге без генштабистов.

Начальник Корниловского военного училища в Ямболе генерал-майор М. М. Георгиевич был готов в зависимости от свободного времени взять на себя чтение лекций по современной тактике, по истории Первой мировой войны на Западном фронте, по истории Гражданской войны (действия в Крыму в 1920 г.). Инспектор классов того же училища генерал-майор Д. Я. Федоров мог вести курс по военной администрации при обязательном условии наличия соответствующих учебных пособий. При этом и Георгиевич, и Федоров стремились совмещать работу в академии со службой в училище.

Преподаватель военных наук Константиновского военного училища полковник Б. Н. Сергеевский также предложил свои услуги в качестве преподавателя курсов тактики или истории русского военного искусства, либо штаб-офицера, заведующего слушателями академии, отметив, что претендовал на пост в академии еще летом 1917 г. и собирался защищать диссертацию, но после прихода к власти большевиков отказался от идеи служить в академии, не желая служить красным. Преподаватель Александровского военного училища полковник А. В. Черныш также выразил стремление работать в академии.

Должность лектора или административный пост желал занять старший адъютант информационного отделения штаба I армейского корпуса полковник П. Н. Санников из Тырново. Он предлагал свои услуги в качестве лектора по общей тактике (с учетом новейших франко-германских взглядов) или по тактике технических войск. Старший адъютант организационного отделения штаба

Гармейского корпуса полковник К. А. Иваницкий, также из Тырново, претендовал на административную должность с участием в ведении практических занятий или чтении лекций по тактике конницы и по применению авиации.

Служивший при военном агенте в Константинополе полковник В. Ф. Флоров писал 20 января 1922 г. генералу Алексееву о мотивации работать в академии, что «кроме естественного желания войти в свою сферу, в работу по Генеральному штабу, а также понятных стремлений — обеспечить себе возможность дальнейшего, хотя бы самого скромного, существования, мною руководит искреннее желание приблизиться к академической жизни, к мозговой работе и, быть может, присмотревшись, я смог бы впоследствии приложить и свой труд, хотя бы по указанному в моей просьбе отделу военных сообщений и вообще из области применения технических средств»¹⁷.

Помимо генштабистов претендовали на преподавательские должности и представители других специальностей. Так, преподавателем курсов по кафедре военно-уголовных законов и военного законодательства хотел стать помощник главного прокурора армии и флота полковник А. Г. Попов.

По данным на 20 января 1922 г., о стремлении читать лекции заявили генерал-лейтенанты В. Е. Борисов, С. К. Добропольский, Д. П. Драценко; генерал-майоры Е. В. Масловский, К. А. Моравицкий, Я. С. Уляновский, А. Н. Шуберский; полковники В. Н. Арнольдов, П. А. Бородаевский, А. Л. Мариюшкин, Б. Н. Сергеевский, К. В. Туган-Барановский, В. Ф. Флоров. На ту же дату оставались намеченными к приглашению генерал-лейтенанты П. И. Аверьянов, В. В. Марушевский, Е. Ф. Новицкий, Г. Д. Романовский; генерал-майоры В. В. Буняковский, М. М. Георгиевич, Б. В. Гернгросс, В. А. Замбржицкий, М. А. Иностранцев, В. В. Крейтер, М. П. Чеглов; полковники Б. В. Гонтарев, А. А. Зайцов, И. Ф. Патронов, В. М. Пронин, П. Н. Санников, А. В. Станиславский.

На открывавшуюся академию обратили внимание и книготорговцы. Например, берлинский русский книжный магазин «Град Китеж» выписал с территории бывшей Российской империи (Рига, Варшава, Двинск, Вильно, Ковно, Выборг, Гельсингфорс) по-

---

¹⁷ Ibidem.

собия, использовавшиеся в старой академии, предлагая эмигрантским курсам скидки на оптовую закупку.

Генерал-лейтенант С. В. Денисов в конце декабря 1921 г. предложил помощь в сборе литературы для академии. Генерал Алексеев в ответ просил выслать по одному экземпляру трудов по всем видам тактики, по истории военного искусства, по стратегии (желательно Г. А. Леера и А. Г. Елчанинова), по геодезии, военной статистике, военной администрации (А. Ф. Редигера, А. А. Гулевича и Д. В. Филатьева), снабжению, военным сообщениям, а также историю русско-японской войны (отчет генерала А. Н. Куропаткина), сведения по части артиллерийской (Л. Н. Гобято), «Положение о полевом управлении войск в военное время» и «что найдется из брошюр, которые издавались во время европейской войны штабами Верховного главнокомандующего, фронтов и армий»¹⁸.

Генерал Алексеев 26 ноября 1921 г. подготовил для Шатилова доклад по наиболее острым организационным вопросам. Прежде всего, требовалось определиться, какие права и преимущества получают выпускники курсов эмигрантской Военной академии. Алексеев предлагал разделить прошедших полный курс по степени успешности окончания на окончивших курсы «успешно» с правом причисления к Генеральному штабу и на прослушавших полный курс с откомандированием в свои части. Окончившие курсы «успешно» и обладавшие цензами командной и штабной службы офицеров Генштаба в объеме не менее полугода каждый подлежали переводу в Генштаб. Те, кто цензов не имел, причислялись к Генштабу, но переводу в последний подлежали только после прохождения штабного и командного цензов в объеме шести и двенадцати месяцев соответственно и при наличии надлежащей аттестации.

Алексеев считал необходимым «ввиду морального значения, которое имеет занятие всякой должности, особенно в настоящее время, когда назначение соединено с оценкой боевой доблести и отличиями, проявленными в Европейской¹⁹ и Гражданской войнах, а также с целью привлечения на курсы лучшего строевого офицества»²⁰ сохранить за принятыми на курсы их должности.

---

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Т. е. Первой мировой войне.

²⁰ НИА. Vrangeli collection. Box 113. Folder 21.

Еще одним вопросом, который требовалось согласовать, являлся вопрос сохранения за офицерами, командированными на курсы, получаемого ими жалованья. Полное сохранение содержания было непосильным для главного командования, предлагалось обсудить варианты сокращения бюджета.

К этому вопросу примыкала и проблема содержания слушателей и учебно-административного состава в целом. По предложению Алексеева, лектору можно было установить минимальный оклад в 1 000 левов, офицеру на штатной административной должности — 500 левов и солдату — 200 левов, слушателям же предлагалось установить оклад в 300 левов. Бюджет курсов, таким образом, составлял не менее 100 000 левов, не считая пайков и помещения. Размещать холостых слушателей планировалось по 2–3 человека в комнате. Предполагалась выдача пайка и денежного довольствия.

В конце ноября 1921 г. стало ясно, что в намеченный срок, 1 января 1922 г., академия не откроется. Открытие было перенесено на конец января, а затем на 1 февраля. В то же время было определено место расположения академии — город Ямбол на линии железной дороги София—Бургас, где находились русские военно-учебные заведения.

Организационная работа продолжалась. Слухи о готовящемся открытии академии проникали в армейскую среду, в связи с чем желающие получить высшее военное образование офицеры бомбардировали заявлениями руководителей военной эмиграции.

Требовалось определить, будет ли оплачиваться проезд на курсы из Сербии и только ли самим слушателям или же помимо них и членам их семей. Решено было оплачивать дорогу только слушателям. Потенциальных слушателей интересовали вопросы обеспечения пайком и помещениями членов семей, визовые вопросы, вопрос возвращения в Сербию по окончании курсов, судьба отчисленных. Бывших курсовиков старой Военной академии интересовал вопрос о том, должны ли они продолжать обучение.

В конце декабря 1921 г. последовало разъяснение штаба Врангеля по поводу организации курсов, которое генерал Алексей сообщил военному агенту в КСХС. Переезд из Сербии лекторов, их семей и слушателей оплачивался главным командованием, семьи слушателей переезжали за свой счет. Оформление паспортов и виз главное командование брало на себя. Администрации, лекто-

рам и слушателям планировалось выдавать казенный паек, семьям слушателей предоставлялось жилье в одной из казарм. Окончившие три класса курсов получали назначения по Генштабу. Обеспечить возвращение в Сербию не окончившим командование не могло, но обещало принять все меры к этому. При ином исходе вопроса неудачно окончившим предоставлялось право зачисления в одну из строевых частей в Болгарии. Командование требовало от окончивших младший класс 1-й очереди ускоренных курсов Военной академии и отнесенных к выпуску 1916 г. пройти старший класс, а для получения прав офицеров Генштаба окончить дополнительный курс²¹.

Вместе с тем генерал Шатилов обратил внимание на такую проблему Русской армии, как наличие большого количества старших начальников с недостаточной подготовкой. В этой связи 27 декабря 1921 г. он писал командиру I армейского корпуса генералу от инфантерии А. П. Кутепову и командиру Донского корпуса генерал-лейтенанту Ф. Ф. Абрамову: «В рядах армии находится немало число старших начальников, не обладающих достаточной теоретической военно-научной подготовкой, которые, благодаря своей доблести и проявленному природному пониманию военного дела, выдвинулись в минувших Европейской и Гражданской войнах на командные должности и произведены в высшие, генеральские, чины.

Многим из них в будущем строительстве государственной жизни нашей Родины придется принять видное участие занятием высших и ответственных должностей, когда одних природных дарований окажется недостаточно.

Поэтому открываемые курсы Военной академии, хотя и имеют своей основной задачей подготовку будущих офицеров Генерального штаба, в то же время могут явиться для некоторых старших чинов армии школой, которая, пополнив их недостаточное для высших командных должностей военное образование и расширив их умственный кругозор, даст возможность с наибольшей пользой и успехом использовать их природные дарования на благо Родины.

Возможно, что предоставленное для старших чинов армии право поступления на курсы Военной академии будет недостаточно ими учтено.

---

²¹ ГА РФ. Ф. Р-7511. Оп. 1. Д. 346. Л. 4.

Считая нежелательным устанавливать в решении этого вопроса принцип “назначения”, я нахожу более соответственным дружеское, авторитетное воздействие высшего начальника на тех старших чинов, для которых прохождение курсов Военной академии признавалось бы необходимым в интересах службы и нашего общего дела»²².

Генерал А. П. Кутепов 6 января 1922 г. ответил из Тырново, что проект «вызвал общее сочувствие. Стремление к умножению знаний настолько велико, что едва ли штаты академии позволят принять всех желающих генералов и штаб-офицеров. Это показывает, насколько мысль об образовании академии является назревшей и необходимой.

Со своей стороны полагаю, что старшим начальникам не представляется необходимым прохождение нормального курса академии, хотя бы уж потому, что длительное пребывание командного состава (командиров частей, командиров батальонов и т. п.) вне своих частей не может не отразиться на состоянии войск. К тому же многие предметы, необходимые для подготовки будущих офицеров Генерального штаба, являются для старших начальников необязательными.

Со своей стороны полагал бы более жизненным образовать при Военной академии особые 4–6-месячные курсы, в программу которых включить, кроме специально военных предметов: русскую историю, историю русской литературы, психологию масс, законоведение, аграрный вопрос и т. п.

Ряд практических самостоятельных работ (сочинений и докладов на специальные и общие темы) были бы также желательны для лиц старшего командного состава»²³.

Списки офицеров-слушателей, находившихся в Болгарии, представлялись генерал-лейтенанту В. Е. Вязьмитинову (на 27 января 1922 г. было получено свыше 87 заявлений), а списки находившихся в Галлиполи — в штаб I армейского корпуса (в Галлиполи нашлось около сотни желающих пройти обучение). Предполагалось, что общее число желающих будет столь велико, что придется производить отбор. Штаб I корпуса обращал внимание на определенные противоречия в ранее установленных критериях такого от-

---

²² НИА. Vrangeli collection. Box 113. Folder 21.

²³ Ibidem.

бора. В частности, отмечалось, что георгиевские награды и орден Св. Николая Чудотворца имели в большинстве своем штаб-офицеры, не соответствующие службе в младших должностях Генерального штаба. Кроме того, многие ко времени окончания академии должны были получить право на производство в генеральские чины, что делало бы перевод их на младшие штабные должности со старших командных невыгодным. Генералов же, по мнению командира корпуса, в академию предполагалось командировать исключительно для освежения и пополнения военных знаний для последующего назначения на строевые должности. Штаб корпуса интересовала возможность направления в академию офицеров, окончивших военные училища после 1 августа 1914 г.

От генерала Алексеева последовало разъяснение, что это вполне допустимо, а «установленное ограничение преследовало цель — подготовить будущих офицеров Генерального штаба из числа наиболее утвердившихся в понятиях о высоком звании и назначении офицера»²⁴. Генералов намеревались принимать в академию сверх вакансий и в качестве вольнослушателей, ориентируясь на их подготовку для будущей службы на высших постах.

Продолжительность обучения в каждом классе определялась в шесть месяцев при семи часах занятий в будние дни и четырех часах занятий по субботам. Праздники считались выходными днями. Заочное обучение не допускалось.

В конце января 1922 г. открытие курсов вновь было отложено, теперь до второй половины февраля. Вследствие отсутствия начальника курсов генерала Юзефовича состав учебного и административного персонала оставался к этому времени неопределенным.

30 января 1922 г. генерал Алексеев подготовил доклад о материальном обеспечении личного состава курсов Военной академии. В докладе проводилась мысль о том, что для работы необходимо привлечь «наиболее выдающихся лекторов и твердых, выявивших свою горячую любовь к Родине, лиц — для замещения административных должностей»²⁵. Алексеев считал, что необходимо предоставление жилых помещений в районе размещения курсов: семейным — по отдельной комнате, холостым — по ком-

---

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

нате на несколько человек. При невозможности разместить всех в казармах предлагалось выдавать квартирные деньги (150–200 левов в месяц) для вынужденных снимать комнату в городе. Всем чинам курсов и членам их семей требовалось обеспечить пайковое довольствие. Кроме того, планировалось установить оклады: лектору — 1 000 левов, сотруднику на классной административной должности — 500 левов, низшим служащим — 200–250 левов. Предполагалась выдача казенного обмундирования и белья, обеспечение казенной прислугой (не всех, а в зависимости от условий размещения). Правитель дел и заведующий обучающимися должны были назначаться из числа лекторов. За исполнение лектором дополнительных обязанностей по должности правителя дел выплачивались 1 250 левов (размер оплаты лектора с надбавкой).

Остро стоял вопрос материального обеспечения слушателей курсов, поскольку они не имели возможности зарабатывать в период учебы. Сверх помещения, пайка, казенного обмундирования и белья самые минимальные потребности могла покрыть сумма в 300 левов. Необходимо было организовать при курсах офицерскую столовую, бесплатную медицинскую помощь, возможность удешевленной починки обмундирования и обуви, стрижку и бритье. Общий расход на постоянный состав курсов Алексеев определял в 45 000 левов. При этом он не брался определить жалование начальника курсов. Общий расход на слушателей определялся в 60 000 левов.

В Константинополе 5 февраля 1922 г. было проведено предварительное письменное испытание для желающих поступить в младший класс курсов. Испытуемые 55 офицеров в две смены писали сочинение на тему «Причины неудачи антибольшевистской борьбы на Юге России». Все желающие представили рапорты, краткие записки о службе или полные послужные списки, ходатайства начальников или правлений союзов георгиевских кавалеров, инвалидов и офицеров армии и флота. Многие поступающие уже достигли возраста 40–45 и более лет, по состоянию здоровья были не годны для службы в полевых штабах, некоторые в Гражданскую войну и ранее служили не в строю, а в тыловых учреждениях. Генерал П. А. Кусонский полагал, что предельный возраст поступающих не должен превышать 40 лет, а строевая служба перед поступлением должна считаться обязательным требованием, кроме того, требовались физическая крепость и здоровье. По обсужде-

нии этого вопроса было предложено ограничить предельный возраст 45 годами.

Интересно, что в штаб I армейского корпуса стали поступать заявления болгарских офицеров, желавших пройти обучение на курсах. Начальник штаба болгарской армии даже обратился по этому вопросу к начальнику штаба главнокомандующего Русской армией генералу П. Н. Шатилову, отметив, что болгарское военное министерство в этой связи сочувствовало открытию русской Военной академии в Болгарии. Генерал А. П. Кутепов также считал прием офицеров-болгар весьма желательной мерой.

Однако академический проект зимой — весной 1922 г. был свернут. На обстоятельства этого следует остановиться подробнее. Упомянутый ранее генерал Е. Ф. Новицкий, хотя и отказался работать в академии, тем не менее продолжал интересоваться вопросом ее создания. В ответ на новый запрос Шатилова 1 февраля 1922 г. он составил обширный меморандум по вопросу открытия академии, в котором писал:

«I. Формирование академии, в общем, не представляется мне так необходимым, как это могло бы показаться на первый взгляд. Мне кажется, что число “настоящих” офицеров Генерального штаба, если только не отказываться от услуг старших из них, ныне вполне достаточно. Если даже признать, что часть из них по своему возрасту, немощам и отсутствию ценза “Гражданской войны” не может с пользой занимать командных должностей в нынешней русской армии, требующей молодых, энергичных и вполне знакомых с новыми условиями войны командиров, то все же старые офицеры Генерального штаба могут быть использованы в высших штабах и военно-учебных учреждениях, где они будут незаменимы. Конечно, было бы чрезвычайно желательно удвоить, утроить, десятикратно число офицеров Генерального штаба. Но забота о числе безусловно должна быть отодвинута на задний план по сравнению с другой более важной заботой — улучшением²⁶ качества уже имеющихся налицо офицеров Генерального штаба. А качества эти, по нынешнему времени, надлежит измерять двумя мерилami: профессиональным (боевой и военно-научный ценз) и политическим (“како веруешь”). Первое качество может быть повышено орга-

---

²⁶ В документе несогласованно — улучшению.

низацией простых повторительных курсов по знакомому нам типу “офицерских школ” и улучшением условий военно-научной работы для прочих офицеров Генерального штаба.

Однообразие же политического “крело” может быть достигнуто только путем категорического отказа от услуг тех из нас, для кого неприемлемы те верования, коими проникнута та армия, которая пойдет строить новую Россию. Я убежден, что политика соглашения и стремление привлечь к строительству армии, а с нею и России, офицеров Генерального штаба разных взглядов, до левых включительно, — не даст ничего хорошего и что ее нужно безжалостно и, как можно скорее, отбросить: оставшихся офицеров будет вполне достаточно для армии, если только, повторяю, не пренебрегать, как это, к сожалению, делалось на протяжении всей Гражданской войны, услугами старейших, а, следовательно, и наиболее опытных чинов нашего корпуса.

Учреждение “школы” вместо академии будет, кроме того, гораздо более отвечать имеющимся ныне в Вашем распоряжении средствам, понимая таковые в смысле: профессорского состава, состава учащихся, числа и рода научных пособий и размеров денежных средств. Лучше хорошо наладившуюся “школу” переделать потом в “академию”, чем иметь “академию”, не подходящую под те понятия о высокоавторитетном военно-научном учреждении, с коим сроднился русский офицер.

“Школа” могла бы заключать в себе 2–3 параллельных курса разной продолжительности и с разными программами, сообразно разнообразной подготовке своих питомцев, и могла бы работать, так сказать, по “линии наименьшего сопротивления”, то есть учить тому, что ей доступно по составу руководителей и наличию учебных пособий. Неполнота достижений “школы” не будет вменена в вину устроителям в той мере, как это неминуемо будет сделано по отношению к академии, организация и задачи коей должны предусматривать то, достигнуть чего при нынешних условиях совершенно невозможно.

II. О каком бы учебном заведении ни говорилось: о “школе” или “академии” — все равно торопиться с началом курса ни в каком случае не следует. Нужно дать время начальнику этого учреждения наладить дело приема, размещения, довольствия и обучения своих новых подчиненных, подобрать себе преподавателей и административных сотрудников и объединить первых из них единой научной доктриной, без коей лучше и не приступать к делу.

К сожалению, русская военная наука и русский Генеральный штаб были до сих пор лишены прочной и твердой единой научной доктрины. И если до войны и во время нее авторитет академии и некоторых ее представителей (Леер, Сухотин, Обручев и т. п.) в связи с дисциплиной и общим укладом жизни сглаживал те шероховатости, кои являлись следствием отсутствия этого единства, то теперь, когда новых русских бесспорных военных авторитетов нет, дисциплина подорвана, а опыт толкуется каждым по-своему — простое использование в качестве руководителей того, что есть налицо, создаст такую “научную какофонию”, что она может только повредить делу. Если людей собирать и учить, то, конечно, только чему-нибудь такому, что объединило бы их в одну крепкую организацию, члены коей, одинаково веруя, понимая друг друга и работая рука об руку, стремятся к единой цели.

А для этого нужно хорошенько поработать над выработкой той “спайки”, коей будут цементировать собранные разношерстные и сильно расходящиеся единицы.

III. Формирование нового учебного заведения в провинциальной глуши — нежелательно. Высшее образование не может исчерпываться только тем, что руководитель скажет с кафедры. Главным средством обучающегося является самообразование, опирающееся на использование всего того, что окружает ученика. Отсюда — огромное значение для учеников общества, библиотек, других учебных заведений и т. п., то есть всего того, что может дать только обстановка большого города.

IV. Пополнение состава нового учреждения должно быть основано “на отборе” лучших, а отнюдь не на “устройстве” тех, кто еще не устроился. А для этого нужно создать такие идейные и материальные условия, кои могли бы привлечь этих “лучших” и заставить их бросить свои занятия, свои насиженные места и свой кусок хлеба. И хотя материальные условия не являются в этом отношении единственно повелевающим [и], но нужно учесть и общую нашу нынешнюю “бедственность” и пошатнувшуюся в массе этику. А потому привлекательную “идею” необходимо одеть в достаточно привлекательную “материю”, не забывая того, что у чинов и учеников нового учреждения есть семьи, жены, дети, имущество и т. п.; что всех их нужно перевезти с одного места на другое; что на новом месте им всем нужно устроить свой новый быт; что во время “науки” ни о чем, кроме этой последней, думать не следует и что после “на-

уки” питомцы будут нуждаться в новом устройстве, новых передвижениях, новых должностях и т. д. и т. д. Гони природу в дверь — она влетит в окно. Все недоделанное по этой части — разрушит или испортит самую талантливую работу самых талантливых руководителей. А для этого, чтобы все это наладить, нужен и способный организатор, и время, и средства.

Таковы мои мысли, сконцентрировавшиеся вокруг проекта “академии”. К ним добавлю еще следующее:

1. Желательно сделать [все] возможное для вывоза с Русского острова (Владивосток) нашей старой академии в составе наиболее способных чинов личного состава (напр., Андогского, Рябикова и т. п.) и хотя бы военного отдела библиотеки (с милютинским архивом). Если эта последняя не будет вывезена в ближайшее время, то она более, чем погибнет: она попадет в руки американцев или, что еще хуже, японцев, усиленно скупающих русскую книгу на Дальнем Востоке.

2. Необходимо серьезно заняться скупкой русской военной книги всюду, где она еще сохранилась. Базирование новых курсов на Фосах, Людендорфах и т. п. недопустимо. Мы имеем и веками освященную государственность, и веками длающую военную историю, и веками созидавшую военную науку.

У русской военной “школы” или “академии” должен быть свой русский военно-научный широкий фундамент, на коем мы будем продолжать строить величественное здание русского военного искусства, используя для этого, конечно, опыт всех войн и всех народов. Мои сношения с разными углами мира убедили меня в том, что русская военная книга почти изъята с рынка и что ее не хватает на все школы и учреждения, если мы теперь же не организуем этого дела, в смысле объединения дела скупки, регистрации и распределения книги одним лицом в одном учреждении, коим, в случае доверия ко мне, могла бы быть моя библиотека²⁷.

3. Из числа лиц, о коих следовало бы вспомнить при организации “школы” или “академии” я упомяну про генералов: Флуга (человека с широким военным образованием и боевым опытом), Борисова (единственного серьезного знатока стратегии) и Головина (назначавшегося на пост начальника академии еще в 1917 году)²⁸.

²⁷ Речь идет о военной библиотеке и архиве в Белграде, где работал Новицкий.

²⁸ НИА. Vrangl collection. Box 113. Folder 21.

Таким образом, генерал Е. Ф. Новицкий высказался против открытия академии, отметив важность улучшения качества уже имевшихся кадров Генштаба как в профессиональном, так и в политическом отношении. Новицкий предложил создать своего рода повторительную школу для генштабистов, а не академию, к которой общественность предъявляла бы повышенные требования. Кроме того, он обоснованно протестовал против открытия академии в болгарской провинции, что ограничивало возможности слушателей в сфере самообразования. По всей видимости, сообщения Новицкого повлияли на генерала Шатилова. Однако определяющим моментом стала нехватка средств.

Генерал Алексеев в рапорте Шатилову от 2 апреля 1922 г. подытожил проведенную работу и обозначил кадровые проблемы эмигрантского Генштаба (и, прежде всего, статуса выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии):

«Наметившееся открытие курсов Военной академии, между прочим, имело в виду дать право в будущем, по окончании курсов, на перевод в Генеральный штаб причисленным к нему из числа окончивших ускоренные курсы бывшей Императорской Николаевской военной академии.

В настоящее время вопрос об открытии курсов Военной академии по недостатку соответствующих средств решен отрицательно и в связи с этим для причисленных к Генеральному штабу закрыта возможность на перевод в Генеральный штаб. Между тем, большинство из них не только в течение трех лет Гражданской войны, но и в Европейскую войну занимали должности офицеров Генерального штаба, и не только низшие, но и весьма ответственные — начальников штабов отрядов, бригад, дивизий и даже корпусов. Таким образом, большинство их причисленных к Генеральному штабу, имея весьма богатый опыт практической работы по службе Генерального штаба, лишены возможности быть переведенными в Генеральный штаб по недостаточной теоретической подготовке. Надо считать, что уже с 1916 года корпус офицеров Генерального штаба не пополняется и, если Русская армия, по своему малочисленному составу, может располагать наличным числом офицеров Генерального штаба, но в недалеком будущем, с падением Советской власти и организацией великой русской армии, для замещения должностей Генерального штаба, в особенности низших, налично-

го их числа будет слишком недостаточно, даже, если рассчитывать на возможность замещения должностей большинством из тех, кто находится теперь в Советской России. Я считаю необходимым теперь же принять меры к усилению корпуса офицеров Генерального штаба кандидатами для замещения в будущем низших должностей. Таковыми, конечно, естественно, должны явиться причисленные к Генеральному штабу. Восполнив их недостающую теоретическую подготовку, завершённую самостоятельной письменной работой в качестве решающего испытания, и, учитывая весьма значительный их практический боевой ценз, явилась бы возможность успешно выдержавших испытание перевести в Генеральный штаб.

Считаю, что теоретическая подготовка могла бы выразиться:

I. В чтении лекций по:

- а) стратегии,
- б) истории военного искусства,
- в) тактике (действия корпуса и армии),
- г) службе Генерального штаба,
- д) снабжению,
- е) военной психологии,
- ж) социологии;

II. Практических занятиях по:

- а) тактике,
- б) снабжению,
- в) военной статистике;

III. Письменном испытании — по военному искусству и решению задачи на действия корпуса или ограничиться одной лишь задачей. С целью минимальных расходов по осуществлению предлагаемого мною проекта, полагал бы причисленных к Генеральному штабу сосредоточить в двух группах — в Болгарии и Сербии при одном из военных училищ, где имеется большее число офицеров Генерального штаба, командировав на усиление, для чтения лекций, некоторое число наиболее выдающихся офицеров Генерального штаба из проживающих в этих странах; слушателей свести в одно отделение, заведывание которым поручить одному из лекторов; учебную часть возложить на инспектора классов училища. Продолжительность курса установить в 4–6 месяцев.

Предлагаемая мера, помимо разрешения весьма существенного вопроса о пополнении корпуса Генерального штаба младшими чинами, разрешила бы одновременно и другой вопрос — о неопре-

деленном положении причисленных к Генеральному штабу, уже много лет с честью и достоинством занимавших должности по Генеральному штабу, но, по обстоятельствам переживаемого времени, не имевших возможности быть переведенными в Генеральный штаб.

Настоящий проект, касающийся лишь только идейной стороны, представляю на Ваше благоусмотрение»²⁹.

Итак, Алексеев предложил организовать краткосрочную мало-бюджетную дополнительную подготовку курсовиков при русских военных училищах в Болгарии и Сербии и, по возможности, перевести выпускников таких курсов в Генштаб. Документ ярко характеризовал кадровую политику белых, продолжавшуюся в эмиграции. Если в Советской России курсовики различных категорий уже в 1918 г. считались полноценными специалистами по службе Генштаба и использовались по своей специальности, то белые придерживались старорежимных формальностей, удерживая курсовиков в подвешенном состоянии. Тот же порочный подход продемонстрировал и генерал Алексеев своим предложением уже в 1922 г.

На процитированном выше документе имеется резолюция Шатилова, адресованная генералу А. М. Болховитинову:

«Полагаю это предложение является наиболее отвечающим настоящим условиям.

Не откажите меня уведомить, признали бы Вы возможным взять на себя руководство этими курсами при условии прикомандирования их к Алексеевскому училищу.

В случае Вашего согласия прошу прислать проект организации курса с расчетом необходимых ассигнований и с указанием, не является ли необходимым прикомандировать к училищу для препода[вания] на курс офиц[ера] Ген[ерального] штаба и кого именно»³⁰.

Генерал Болховитинов на основе соображений Алексеева 19 апреля 1922 г. подготовил для Шатилова обширный 23-страничный доклад. Автор документа поддержал мысль Алексеева

---

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

об организации академических курсов при военном училище, сославшись на то, что еще до революции подобные меры практиковались. В частности, училища существовали при Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академиях. Училища располагали учебной, строевой, хозяйственной и санитарной частями, которые требовались также и академическим курсам. Для организации дополнительной подготовки курсовиков можно было использовать базу Кубанского генерала М. В. Алексева военного училища, в котором Болховитинов служил инспектором классов. Болховитинов представил конкретные соображения по освобождению помещений училища путем передислокации Кубанского резервного дивизиона из Тырново в Новую Загору.

Особое внимание Болховитинов уделил теоретической подготовке на курсах. Этот раздел был основным в докладе. Автор документа, выдающийся русский военный деятель, высказал свои соображения и рекомендации по всем особенностям дополнительной подготовки курсовиков и даже указал конкретных преподавателей, которые могли бы лучше других вести занятия по тем или иным предметам. Ввиду значимости предложений Болховитинова приведем эту часть доклада в полном объеме:

«Что же касается теоретической подготовки, намеченной проектом, то, конечно, она должна быть в высокой степени доброкачественной, так как едва ли допустимо расходовать средства на преподавание “кое-чего” или вести дело “постольку, поскольку”. Поэтому подбор лекторов, по моему разумению, должен быть возможно тщательный, не считаясь слишком с тем, что много или мало имеется в училище офицеров Генерального штаба. Лектора должны быть подобраны тщательно.

а) Стратегия. Предмет чрезвычайно важный, но только тогда будет полезен, когда его будет читать вполне основательно знающий этот предмет человек, отнюдь не рядовой лектор. Я помню, когда, в бытность мою слушателем академии, курс стратегии начал нам читать генерал Леер, но, по нездоровью, должен был передать чтение курса весьма недурному лектору полковнику Михневичу. Разница была настолько огромная и очевидная, что последнего³¹ никто слушать не хотел, и в аудиторию нас просто загоняли штаб-офицеры.

---

³¹ Так в документе. Правильно — первого, то есть Г. А. Леера.

Необходимо, чтобы лектор был хорошо знаком хотя бы с главнейшими трудами “столпов” научной стратегии: т. е. Ллойда, Жомини, Клаузевица, Виллизена, затем Блуме, Бронзарта, популяризатора этих двух последних, Гогенлоэ³², Пиеррона, Леваля и нашего Леера; затем, позднейших: Фоша, Бернгарди, Леттов-Форбека и практиков — Мольтке и графа Шлиффена (творца сосредоточения и развертывания немецких армий в минувшую Великую войну); иметь также понятие о “Correspondence” Наполеона и “Militarische Briefe” Мольтке и т. д.

Другими словами, чтобы это был самостоятельно мыслящий в области стратегических концепций человек, иначе курс стратегии будет весьма малоценен и малопригоден на что-либо; будет чтение “по Лееру”, “по Михневичу”, “по Блуме”, т. е. попросту пересказ данного автора, чего совершенно не требуется; что даже вредно. Так читать стратегию не стоит.

Подходящее лицо, которое могло бы с большою пользою для дела принять на себя чтение стратегии в русской армии, кажется, есть — это Генерального штаба генерал-лейтенант Вячеслав Евстафьевич Борисов.

Был одно время слух, что он скончался на Кубани от сыпного тифа, но потом оказалось, что слух неверен: генерал Борисов пишет в “Военном сборнике”, издающемся в Белграде. Следовательно, разыскать его нетрудно.

К этому генералу, кто его мало знал, почему-то относились с предубеждением, считая его даже иногда, с легкой руки генералов Сухомлинова и Мышлаевского, которым надо было убрать неудобного человека, не всегда даже нормальным.

Генерала Борисова чрезвычайно ценил, например, генерал Палицын, высокоавторитетный в вопросах стратегии (практик). Последний назначен именно генералом Борисовым 2-м обер-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба (ведая фронтом против Германии и Австро-Венгрии). Сам генерал Палицын в деле применения стратегии на практике решительно ни в чем не уступал, как теперь можно судить, тому же графу Шлиффену, которого так превозносит в своих трудах генерал Лудендорф³³. Именно генералы Палицын, Алексеев и Борисов были творцами

---

³² В документе — Гогенле.

³³ Здесь и далее в документе — Лудендорф.

плана нашего стратегического развертывания на западе, разработанного после Русско-японской войны, а впоследствии изуродованного при преемниках генерала Палицына на посту начальника Генерального штаба.

Эрудития у генерала Борисова по литературе стратегии и вообще по вопросам стратегии огромная и совершенно исключительная; правда как лектор он несколько многословен, но голова его была всегда полна разнообразнейших, вполне здравых, разумнейших стратегических идей и стратегических комбинаций. В Ставке в Могилеве в мае 1917 года я сам слышал от генерала М. В. Алексеева (генерал Борисов был большим другом генерала М. В. Алексеева и всю Великую войну состоял при последнем) такой отзыв о генерале Борисове: “Вы помните, как Борисова отталкивали от дела, а ведь во время войны без его помощи нам было бы порой очень плохо, он как-то легко разгадывал планы врага; у него всегда был готов активный контрманевр”.

Я думаю, что если генерала Борисова ввести в хорошо продуманную программу курса стратегии, он способен принести огромную пользу.

б) История военного искусства. Когда этот вопрос разрешался для училища, то педагогическое совещание, еще на Лемносе, единогласно высказалось, что следует начать с Русско-японской войны, которая послужила как бы введением в Великую мировую войну и в которой обозначилось применение приемов и средств борьбы, получивших столь широкое развитие в Великую войну. Это же соображение справедливо и теперь. В училище есть пособия и лица, способные с полным успехом читать эту кампанию. Думаю, эти лица справятся с любой кампанией из числа проходившихся на старшем курсе академии.

Наконец, необходимо дать подробный обзор Великой мировой войны. В этом отношении чрезвычайно ценные материалы собраны и частично обработаны молодым полковником Генерального штаба Зайцевым, состоящим в штабе нашего корпуса.

Будучи весьма усердным и способным работником, он в данное время занят изданием труда генерала Людендорфа: “Мои военные воспоминания” в переводе на русский язык.

Полковник Зайцев вместе с тем хороший лектор и в этой роли принес училищу большую пользу на Лемносе, прочитав нам общий очерк Великой войны, придерживаясь тогда, главным образом,

“Воспоминаний” Людендорфа; но потом, насколько знаю, полковник Зайцев развивал этот курс, всемерно его пополняя, пользуясь немецкими, французскими, английскими трудами. Прикомандирование этого штаб-офицера к училищу также было весьма желательно. По имеющимся здесь сведениям, генералу Новицкому удалось вывезти в Сербию много документов с бывшего Румынского фронта. Если это так, то в числе документов могут оказаться описания выдающихся операций на нашем Западном фронте³⁴ (например, Луцкий прорыв генерала Брусилова); эти описания издавались во время войны. Одолженные на время, эти документы дополнили бы, во многом, материалы полковника Зайцева.

в) Тактика. Великая война внесла так много новых приемов борьбы, что, прежде всего, приходится весьма внимательно пересмотреть тактику отдельных родов войск. Этот пересмотр вовсе не знаменует поднесения слушателям чего-либо подобного курьезным открытиям генерала Георгиевича (журнал “Корниловец” статья “Современная тактика”), но вполне обоснованные выводы, заслуживающие составить необходимые поправки и установить, что действительно является законным и что следует отбросить как увлечение, как “крик моды”.

Тактика пехоты и прикладная тактика в лице Генерального штаба генерал-майора Ковалевского, состоящего ныне преподавателем тактики на общих классах училища (в прошлом, инспектора классов Казанского военного училища, доблестного командира полка, бригады и начальника дивизии во время Великой войны), имеют выдающегося с громадной эрудицией вдумчивого, уравновешенного и осторожного в выводах лектора.

В тактику конницы теперь многие стремятся внести наибольшие “изменения”, якобы “по опыту войны”: французы дошли уже в этом направлении до нелепости: так как официально заменяют конницу скорее “ездящей пехотой”, забывая о действиях хотя бы немецкой конницы под командой Ф. Марвица, Рихтгофена, особенно Гарнье (молодеченский прорыв) и собственной французской генерала Рубильона. Чтобы избежать столь неосторожных и крайне вредных выводов по тактике этого рода войск, весьма желательно привлечь к чтению этого отдела тактики генерала П. И. Залесского, проживающего ныне в Югославии в г. Мостаре.

---

³⁴ Так в документе. Далее идет речь о Юго-Западном фронте.

Хотя он до войны и не состоял в профессорском звании, но, судя по тому, что его труды по вопросам организации, подготовки и использования конницы на войне во время последней сбывлись фотографически точно, надо полагать, что он теперь в этом деле очень хорошо разбирается; часто известно, что он имеет в своем распоряжении солидные материалы; лектор он хороший, а потому, казалось бы, ему и дать “книги в руки”.

Тактика артиллерии при современном исключительном значении последней требует весьма вдумчивого отношения. По моему мнению, этот отдел следовало бы излагать в связи с некоторыми основными данными технического характера (конечно, в меру строгой необходимости), так как без твердого знания этих данных, т. е. принципов устройства современных артиллерийских установок, снарядов, взрывателей, взрывчатых составов и т. д., орудий полевой легкой и полевой тяжелой артиллерии, а равно орудий тяжелой позиционной артиллерии, слушателям не будет понятно и осмысленно им[и] усвоено тактическое действие артиллерии; равно слушатели без этих основных знаний никогда не будут в состоянии отдать себе ясный отчет, когда должно, возможно или необходимо ввести тот или другой калибры; каких результатов в зависимости от принятого решения можно ожидать и т. д.

Этот вопрос тем легче осуществим в училище, что в лице преподавателя высшей математики и артиллерии генерал-майора Ретивова училище имеет высокообразованного и талантливого артиллериста-специалиста (блестяще окончил Михайловскую артиллерийскую академию) и в то же время выдающегося практика (работал на полигоне, а во время войны командовал батареей, дивизионом, артиллерийской группой и т. д. Георгиевский кавалер). Другими словами, в одном лице соединяются и тактик и артиллерист-специалист. Этот порядок казался бы уместным принять еще и потому, что в проекте генерала Алексеева ничего не сказано относительно преподавания проходившихся ранее в академии “Сведений по части артиллерийской”.

Предполагаемый проектом контингент слушателей не мог в бытность в академии ознакомиться с таковыми “Сведениями”, так как тогда новейшие данные не были опубликованы. Во всяком случае с тех пор техника далеко ушла вперед и тем сильно повлияла на тактические приемы (нам самим, несмотря на самые настойчивые искания, только в конце прошлого года удалось получить для

артиллерийских отделений, например, установки новейших образцов орудий и тогда многое, бывшее ранее туманным, стало понятным). Казалось бы, что будущий офицер Генерального штаба должен быть достаточно подготовлен грамотно разбираться в основах современного артиллерийского дела и не может знать их менее, нежели юнкер-артиллерист.

Тактика технических войск имеет целью исследование и использование всяких технических средств для целей войны и боя.

Быстрое развитие техники дало большое разнообразие технических войск, широкое их использование, могучее воздействие и даже способность исполнять многие самостоятельные назначения.

Все это позволяет некоторым исследователям выделять эти войска в самостоятельный главный род войск, наряду с пехотой, конницей и артиллерией. Конечно, так далеко идти не следовало бы. Так это или не так, сейчас неважно, но если на лекциях в училище приходится занять не менее 10–12 часов лишь для перечня самой краткой характеристики и тактического значения отдельных видов этих войск, а равно тактического применения некоторых из них (бронемашин, боевых повозок, танков), то каким же образом не преподать по надлежащей программе всего этого будущим офицерам Генерального штаба? Например, значение что ли “связи” и ее многообразных технических средств? Кому же ведать этой самой “связью”, как не офицерам Генерального штаба. Они должны для правильного тактического использования средств “связи” великолепно их знать, т. е., прежде всего, знать основы технических средств “связи”. Танненбергская катастрофа должна бы нас кое-чему научить. Надо же когда-нибудь научиться дело делать серьезно, добросовестно и умело. Поэтому мне думается, что при чтении тактики технических войск необходимо также давать общие познания по самой технике каждого вида этих войск (конечно, в строго необходимой мере, без всяких излишних подробностей); “суть” должна быть усвоена слушателями вполне твердо.

Для чтения этих курсов нужны соответствующие специалисты-лекторы. Училище располагает одним таким вполне отвечающим своему назначению лектором (военный инженер полковник Янушковский), но этого, конечно, при огромности курса мало и было бы желательно прикомандирование кого-либо одного из следующих военных инженеров: генерал-майора Полянского, или полковника Баумгартена, или полковника Красенского, или полковника Куд-

рявцева. Последний, хотя и не был преподавателем в Николаевской инженерной академии, но считается выдающимся специалистом-практиком.

Такой порядок опять-таки необходим для усвоения будущими офицерами Генерального штаба основных сведений по части “инженерной”, которая также упущена в проекте.

Что касается чтения прикладной тактики, то этот вопрос, как сказано выше, легко разрешится училищем (г[енерал-]м[айор] Ковалевский).

Отмечу лишь необходимость³⁵ всячески избегать “полководических”³⁶ привычек (действие корпусами, армиями и т. п.). Мы исправно на бумаге водили и корпуса, и армии, а свое прямое дело — технику — как показала не одна война, знали постоянно слабо. Определение главного назначения Генерального штаба, сделанное еще Клаузевицем, можно считать справедливым и по сей час, а именно: “Генеральный штаб назначается для того, чтобы превращать в приказания идеи командующего генерала, не только сообщая последние войскам, но скорее обрабатывая все детали и освобождая самого генерала от этого бесплодного труда”.

Немцы этому принципу неизменно следовали, не увлекаясь “полководчеством” и переходя к нему постепенно, и, кажется, не имели случая раскаиваться, а мы нередко ловили журавлей в небе и ... терпели поражение из-за нежелания знать именно элементарные стороны технической области.

Затем Людендорф в своих “Воспоминаниях”, между прочим, говорит: “Новогеоргиевск может быть будет последней крепостью с фортовым поясом, взятой после ее обложения. Времена крепостей с фортовым поясом миновали. Они не могут противостоять современной артиллерии с ее громадными запасами и должны умереть.

Укрепления останутся необходимыми, но они все более будут носить характер сильно растянутых позиций” (или, другими словами, “укрепленных полос”).

Еще со времен Русско-японской войны 1904–1905 гг. родился новый отдел тактики: “Борьба за укрепленные позиции и полосы”. В училище имеется вполне разработанный курс этого отдела, состоящий из шести частей.

---

³⁵ В документе — на необходимость.

³⁶ В документе — полководисках.

Этот отдел, несомненно, должен быть также преподаан слушателям, и чтение отдела должно быть ведено тремя лицами: Генерального штаба, артиллеристом и военным инженером.

Таким образом, курс тактики получается очень обширный и очень серьезный. Чтобы поставить чтение курса на должную высоту, нужна согласованная работа нескольких вполне опытных преподавателей.

г) Служба Генерального штаба. Когда я был слушателем академии, этот отдел был поставлен у нас ниже всякой критики. Впоследствии я лично долго и упорно бился над³⁷ этим же вопросом, служа уже в Главном управлении Генерального штаба и по поручению генерала Палицына разрабатывая проекты разных положений по Генеральному штабу, для чего пришлось изучить также и постановку службы Генерального штаба в армиях: германской, австро-венгерской, французской, японской, английской, Соединенных Штатов Северной Америки. У меня был собран обширный материал, оставшийся с уходом генерала Палицына в Государственный совет мало использованным, впоследствии генерал Бильдерлинг воспользовался этими материалами для разрабатывавшегося тогда комиссией под его председательством нашего “Положения о полевом управлении войск”.

Правда, этих материалов у меня сейчас полностью нет; копии остались в Тифлисе; случайно здесь оказался “Исторический очерк организации и службы Генерального штаба в армиях Наполеона”, но основы я твердо помню и, вероятно, смог бы написать соответствующий курс и, наконец, почти четверть века работ по службе Генерального штаба дали мне известный опыт, а потому, вероятно, я смог бы читать этот отдел.

д) Снабжение. Курс по тактике снабжений обширный и должен распасться на несколько отделов. Из труда генерала Людендорфа видно, какое огромное значение придавали немцы этому вопросу и как умело они разрешали задачи тыла.

Для успешной разработки курса тактики снабжений крайне необходимо иметь как ценнейший материал: 1) Положение о полевом управлении войск с приложениями к нему; экземпляров его было много еще в Севастополе. Вероятно, в штабе главнокомандующего эти экземпляры есть; 2) экземпляр приказов Верховного главнокомандующего по вопросам организационным и вопро-

---

³⁷ В документе — под.

сам снабжения и 3) сборник штатов, изданных штабом Верховного главнокомандующего.

Если бы только хотя бы часть архива Румынского фронта [была] вывезена, то эти материалы должны там быть.

Лицо, способное разработать такой курс и читать его, в училище имеется.

е) Военная психология. Безусловно, никому ни для чего в нашей практической работе не нужный предмет. Еще в бытность в академии я слушал большого специалиста этого предмета профессора Введенского. Но потом во всю последующую жизнь ни на один грош не приспособил его на практике. Время теперь такое, когда более всего нужна практическая деятельность, а не “словесность” и “общеобразовательные предметы”. Полагал бы этот предмет “отставить”.

и) Социология. Обширнейшая область. Заниматься изучением “социологии” при намеченном времени для прохождения всего курса — это стремиться “объять необъятное”.

Единственно, что приемлемо из этой области, — это изучение “социализма”, другими словами, изучение нашего врага, с которым еще придется очень повозиться. Лектор для этого есть.

и) Вместо военной психологии и социологии, казалось бы, целесообразнее и практичнее преподавать имеющийся в училище прекрасно разработанный курс “Военные разведки и перспективная съемка”.

Как известно, еще Наполеон предъявлял высокие требования к рекогносцировкам, съемкам и чертежным работам Генерального штаба. Точность, подробность и своевременность этих работ император требовал настойчиво: всякие дополнительные рекогносцировки в связи с намеченной им операцией возлагались Наполеоном непременно на офицеров Генерального штаба (то же самое мы найдем и у Мольтке и у Людендорфа) и горе было тому офицеру Генерального штаба, если он погрешил в такой работе: “Рекогносцировка сообщений между дорогами из Вены на Цнайм и из Вены на Никольсбург плохо исполнена и мало полезна. Ручей от Цнайма к Никольсбургу плохо начерчен; около Цнайма есть ручей, болота, мост, которые все не отмечены”, — писал Наполеон 9 августа 1809 года.

Но император дорожил также и наглядностью, для чего требовал перспективные рисунки с нескольких сторон интересующих его участков местностей. К содержанию легенд также предъявлялись строгие требования.

Сам Бертье был большим знатоком этого дела.

Перспективные съемки теперь также получили большое развитие. Они дали, между прочим, чрезвычайную наглядность труду Гамильтона по Русско-японской войне 1904–1905 гг. и широко практиковались в Великую войну.

к) Практическим занятиям, казалось бы, следовало дать широкое развитие, только организация занятий по военной статистике едва ли будет возможна: нет статистических материалов и достать их негде: во-первых, Болгария в этом отношении — не Россия; во-вторых, грабеж Болгарии разными “репарационными комиссиями” заставил болгар убрать с глаз и надежно запрятать все, напоминающее статистику.

Затем, если перед таким сравнительно нехитрым делом, как обучение молодых солдат, требовалась предварительная специальная подготовка их учителей, вполне, казалось бы, осведомленных и без этой подготовки в своем ремесле, то тем более должен подготовиться преподавательский состав, которому будет поручена столь серьезная задача.

Преподаватели должны, как говорится, хорошо “спеться”, т. е. продумать все программы, продумать весь материал и быть действительно подготовленными к выполнению своих обязанностей; браться с легким сердцем за столь ответственное дело никак нельзя. Исключительно ввиду этих самых соображений никто из преподавателей Кубанского генерала М. В. Алексева военного училища, когда их запросил штаб корпуса, не изъявил своего согласия “читать” на более проектированных в г. Ямболе академических курсах, организовавшихся, по нашему общему мнению, совершенно “наспех”, а отнюдь не по неспособности наших преподавателей к этому делу вообще.

Тех же взглядов преподаватели держатся и теперь, т. е. если браться за дело, то его надо делать подготовившись как следует, а не “наполовину” или “вчера”.

Лекции должны быть написаны предварительно, но читать их надо не по тетради, а пользуясь, если преподаватель того желает, только кратким конспектом.

Обработанные лекции необходимо издавать (литографически, шапирографически или иным путем) для руководства и подготовки слушателей.

Таким порядком создадутся впоследствии курсы, как они создались, например, в училище.

Утренние часы (четыре) предполагается использовать для чтения лекций; послеобеденные (два) — для практических занятий, которым дать широкое развитие, а равно дать время для приведения в порядок записок, размножения лекций и т. д.

Следовательно, цикл предметов преподавания определится так:

1) Стратегия с тактическими групповыми занятиями.

При генерале Палицыне такие занятия велись в Главном управлении Генерального штаба при подготовке к очередной большой полевой поездке чинов этого управления или в виде военной игры по статистическим заданиям; то же самое делали, как видно из “Воспоминаний” Людендорфа, и немцы; так, в одном месте своих “Воспоминаний” генерал Людендорф говорит: “Многочисленные военные игры неоспоримо убедили графа Шлиффена (начальника германского Генерального штаба и автора развертывания германских сил) в невыгодности направления нашего главного удара против России”. Если эти занятия поставить не в смысле “полководчества”, а лишь в смысле техники всяких расчетов, то они могут быть весьма полезными.

2) Тактика. — дополнение к тактике отдельных родов войск, технических войск. Дополнения к прикладной [тактике] и Борьба за укрепленные полосы со сведениями по частям артиллерийской, инженерной и технических войск с практическими занятиями.

3) История военного искусства (Русско-японская война 1904–1905 гг. подробно; общий обзор Великой войны и изучение какой-либо компании из прежних, по указанию штаба главнокомандующего).

4) Служба Генерального штаба с практическими занятиями по ней.

5) Снабжения (потребности армии в средствах для ведения войны. Источники их удовлетворения. Системы использования средств. Тактика снабжений и т. д.) с практическими занятиями и детальными расчетами.

6) Военные разведки и перспективная съемка с практическими занятиями.

7) Если будет признано необходимым, то и военная психология с социологией могут преподаваться. Лектора у нас есть. Но лучше эти предметы “отставить”: более времени останется на существенное и необходимое.

Для преподавания этих предметов необходимо иметь следующее число лекторов:

- а) Для стратегии с практическими занятиями по ней 1
- б) Для тактики и практических занятий — по одному (Генерально-го штаба, артиллерист, инженер, технических войск) 4
- в) для военной истории 2
- г) для службы Генерального штаба и практических занятий 1
- д) для снабжений с практическими занятиями 1
- е) для военных разведок и перспективных съемок с практическими занятиями 1

Всего 9–10 человек.

Для пользы дела, как доложено выше, крайне желательно прикомандирование генералов Борисова и Залесского и полковника Зайцева и кого-либо из перечисленных военных инженеров.

Но если бы прикомандирование этих именно лиц или кого-либо из них, как выдающихся специалистов, встретило бы какие-либо особые затруднения, то училище предпочитает обойтись своими собственными силами без прикомандирования кого-либо, так как просимое прикомандирование обуславливается исключительно особыми качествами поименованных лиц, а отнюдь не недостатком наших собственных сил или невозможностью справиться с задачей этими силами.

Работа, конечно, будет трудная; она должна начаться ранее времени начала лекций разработкой программ, созданием курсов по этим программам, выработкой проекта практических работ и т. д.

В этом будет заключаться главным образом «спевка» преподавателей»³⁸.

Предложения генерала Болховитинова дают разностороннее представление о взглядах на подготовку кадров Генерального штаба, службу Генерального штаба и ее особенности, сложившихся в начале 1920-х гг. в русской военной эмиграции с учетом опыта Первой мировой и Гражданской войн, о наиболее сильных преподавательских кадрах по основным дисциплинам и по другим вопросам.

Серьезно разработан Болховитиновым был вопрос финансирования курсов. Автор проекта исходил из расчета на сто слушателей. Для организации курсов требовалось единовременно 80 010 левов, из коих 17 510 на ремонт помещений и 62 500 на

---

³⁸ НИА. Vrangal collection. Box 113. Folder 21.

их оборудование. Также требовалось приобрести в расформированных болгарских штабах литографию, для чего списаться с болгарским военным министром (болгары обещали подарить литографию или продать ее за небольшую плату).

Намечался следующий ежемесячный бюджет курсов. Учебная часть требовала 10 000 левов в месяц (на канцелярские товары, включая чертежные принадлежности, приобретение предметов для полевых занятий — компасов, планшетов, папок, оборудование специальных артиллерийского и инженерного классов). Слушатели обеспечивались жилыми помещениями, пайком и, возможно, денежным пособием. Ранее слушателям планировалось выплачивать по 300 левов в месяц. Офицерский паек выдавался в размере юнкерского и соответствовал 12 левам. Планировался отпуск денег на ремонт обуви и белья по юнкерской норме. Квартирные деньги на семью намечались в размере не менее 200 левов.

Преподаватели и администрация курсов подлежали обеспечению квартирами, пайком и деньгами на мелкие расходы в размере не менее 1000 левов для лекторов и не менее 500 левов для администрации.

Поскольку предусматривалось привлечение десяти лекторов, расход на оплату их труда и на квартирные деньги составлял 12 000 левов. Болховитинов выступил против совмещения административных обязанностей с чтением лекций. Административные должности предполагалось предоставить персоналу училища. Кроме того, необходимы были средства на дополнительное вознаграждение начальнику хозяйственной части училища, адъютанту, помощнику инспектора классов, хозяйственным чинам и писарям. На них ложилась вся работа по составлению денежных аттестатов, требований, расчетов, оформлению послужных списков, снабжению пособием, наблюдению за изданием печатных работ. Вознаграждение в объеме до 2000 левов на всех требовалось также плотнику, портным, сапожникам, кашеварам. Освещение помещений предполагало расход еще до 3000 левов в месяц (занятия предполагались допоздна при большом расходе керосина). По справедливому мнению Болховитинова, ассигнования на курсы должны были отпускатся отдельно от ассигнований на училище. В целях обслуживания курсов (уборка помещений, колка дров, поднос воды, топка печей зимой, освещение) Болховитинов рекомендовал сформировать особую команду по примеру аналогичной на Ку-

банских офицерских курсах. Лишь непосредственное участие штаба главнокомандующего в реализации проекта могло привести, как считал генерал Болховитинов, к положительному результату.

Однако академические курсы так и не открылись — 28 апреля 1922 г. генерал П. А. Кусонский разослал старшим воинским начальникам информацию о том, что ввиду недостатка средств генерал П. Н. Врангель решил курсы не открывать (при этом и в мае продолжали поступать прошения о зачислении на курсы). К тому же болгарское правительство А. С. Стамболийского изменило свою политику в отношении белых и переориентировалось на коммунистов, что привело к осложнению отношений белого командования с болгарскими властями³⁹. Документы курсов были отправлены в штаб Русской армии в КСХС. 20 ноября 1922 г. полковнику А. А. Зайцову из Софии по приказанию генерал-лейтенанта С. А. Ронжина были переданы на хранение три тома переписки о лицах, изъявивших желание поступить в академию из состава I армейского корпуса⁴⁰. Непосредственный куратор проекта генерал Н. Н. Алексеев позднее продолжил заниматься военной педагогикой. В частности, состоял членом учебного комитета Зарубежных высших военно-научных курсов генерала Н. Н. Головина⁴¹.

Несмотря на попытки командования Русской армии придать проекту секретность, о замысле довольно быстро стало известно в Москве. Уже в марте 1922 г. резидент Иностранного отдела ГПУ в Берлине докладывал о назначении проживающего в Висбадене и вызванного в Белград генерала Я. Д. Юзефовича начальником академии⁴². Как сообщалось в информации ГПУ за лето 1922 г., «предполагавшееся к открытию в Болгарии курсов академии Генерального штаба, а также [сосредоточение] огромного количества различных административных, общественных и благотворительных учреждений привлекло значительное количество офицеров с высшим военным образованием, так — офицеров

---

³⁹ Шатилов П. Н. Расселение армии по Балканским странам // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 100; Спасов А. Врангелювата армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 114–165.

⁴⁰ НИА. Voorguzhennyye Sily Iuga Rossii. Nachal'nik snabzheniia. Box 5. Folder 24.

⁴¹ Алабин И. М., Судравский В. Д. Донской генералитет в изгнании. Опыт библиографического словаря. М., 2001. С. 18.

⁴² Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Док. и мат. М., 1998. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. С. 598.

Генштаба в Болгарии до 25% из общего количества находящихся за границей»⁴³.

***

В начале 1920-х гг. в русской военной эмиграции возникла идея возобновления подготовки кадров Генерального штаба в целях усиления офицерского состава Русской армии для предстоявшего продолжения борьбы с большевиками и вторжения на советскую территорию. Свое практическое воплощение эта идея нашла в амбициозном проекте возрождения Военной академии в Болгарии, в городе Ямбол. Большая часть организационных вопросов в конце 1921 — начале 1922 г. легла на плечи генерала Н. Н. Алексева. Для реализации проекта были предприняты серьезные шаги, выразившиеся в разработке детальных планов открытия высшего военно-учебного заведения, составлении штатного расписания, подборе административного и преподавательского состава, изыскании учебных помещений и пособий, переговорах по вопросу реализации проекта с болгарскими властями, проведении конкурсных испытаний, поиске средств для будущей академии и перевозки преподавателей, слушателей и членов их семей, решении целого ряда организационных вопросов и т. д.

Участники Белого движения на Юге России, не смирившиеся с поражением в 1920 г. и ушедшие в эмиграцию, являлись одной из наиболее непримиримых и мотивированных по своим антибольшевистским убеждениям групп в рамках всего этого движения. Попытка реализовать проект создания Военной академии, пусть даже неудачная, свидетельствует о значительном военном научном потенциале русской эмиграции, о серьезной мотивации вести подготовку командных кадров, чтобы с учетом неудачного опыта Гражданской войны в итоге одержать победу над большевиками в будущей войне.

Тем не менее тяжелое материальное положение штаба генерала П. Н. Врангеля, равно как и сама обстановка первых лет беженства не дали возможности реализовать столь масштабное начинание на практике. Кроме того, некоторые генштабисты-эмигранты

---

⁴³ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Док. и мат. М., 2010. Т. 5. Раскол. 1924–1925 гг. С. 495–496.

скептически отнеслись к проекту как к слишком амбициозному и трудноосуществимому в болгарской провинции. Действительно, в случае неудачи репутационные издержки врангелевского штаба были бы значительными. В силу этого главное командование Русской армии отказалось от идеи восстановления академии, перейдя к выработке бюджетного способа решения кадровых проблем. Таковым считалось открытие академических курсов на материально-технической базе военных училищ в Болгарии и КСХС. Однако и этот проект в итоге осуществлен не был. Подготовка специалистов Генштаба в эмиграции реализовалась лишь позднее на Зарубежных высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Головина.

Военно-учебные заведения русской эмиграции нередко рассматриваются исследователями лишь как культурный феномен, без учета практических целей подготовки офицерских кадров. Очевидно, что сохранение воинских традиций и культуры являлось вторичным вопросом, тогда как основной целью профессиональной военной подготовки и переподготовки русских эмигрантов был последующий реванш белых за поражение в Гражданской войне.